

В НАШЕЙ жизни, согласитесь, приятного осталось не так уж много. В поисках лучшей доли мы никак не можем позволить себе на минутку расслабиться, вспомнить о чем-нибудь хорошем...

Не за горами Новый год — праздник, который, невзирая на все мерзоты окружающего нас бытия, был и остается чистым и светлым. В преддверии Нового года принято дарить

друг другу подарки. Мы решили подарить своим читателям новую рубрику — «Сливки общества», которая (мы очень на это надеемся) будет ежемесячно (а может быть, и чаще) давать вам получасовой заряд положительных эмоций, ибо героями нашей рубрики станут всевозможные знаменитости, люди интересные и просто хорошие...

Сегодня у нас в гостях — Андрей

Макаревич и его неувядающая «Машина времени».

Ведущий рубрики
Сергей ОРЛОВСКИЙ.

P.S. Если у вас появится мимолетное желание написать или позвонить нам, высказать свое мнение по поводу наших «Сливок», подсказать персонажи будущей публикации, пишите. И звоните. Телефон 32-13-34.

«А ПОТОМ, ЗА СТОЛОМ—О БЫЛОМ...»,

и не только, разговаривали Сергей Орловский, Игорь Карней,
Сергей Шапран и Андрей МАКАРЕВИЧ

— Приходилось довольно часто слышать, что ты с трудом воспринимаешь сегодняшнюю музыку. Это одна из новизнностей возрастного брюзжания или же сложившаяся точка зрения на искусство?

— Я просто вижу в ней очень мало хорошего. Очень мало. Я считаю, что пик рок-н-ролла пришелся на начало—середину 70-х. И не один я так считаю—это мнение всех музыкальных критиков мира. Так что жалеть тут нечего — совершенно нормальный процесс.

— Когда-то ты, желая или не желая того, стал голосом целого поколения. Теперь эти люди, твои ровесники, не ходят на концерты «Машины времени» (или очень редко), зато приходит очень много молодых. Как ты считаешь, что привлекает нынешнюю молодежь, воспитанную на «Миражах» и «Сталкерах», на ваши концерты?

— Сегодня в зале были

разные люди: и те, кому уже тридцать пять, и совсем молодые. Вообще, я считаю, — возраст здесь не показатель. Да и не знаю я, что привлекает молодежь, это надо у нее спросить. Я лично делаю то, что мне интересно... И то, что люди в 35—40 лет большей частью перестают ходить на концерты, так это нормально — у них жизнь меняется, у них масса других забот: дом, семья, работа, дети. Это не значит, что они к нам хуже относятся. — просто слушают нашу музыку дома и по-прежнему ее любят. Ну, а на концерты ходить, балдеть около сцены у них нет уже ни возможности, ни сил...

— Ты никогда не работаешь на зрителя? Просто делаешь то, что тебе нравится?

— Ну, это довольно часто совпадает, я же вижу реакцию зала. Но, в основном я работаю, конечно, «от себя», а не

на зрителя. Зритель-то бывает разный: на кого именно работать?

— Андрей, как-то в середине восьмидесятых популярность «МВ» резко упала...

— А я не заметил никакого

падения популярности. Мне все это время доводилось работать во дворцах спорта, они всегда были полны, а люди стояли за билетами по ночам. «Упала популярность» — это когда зал наполовину пустой. А так для меня все эти «падения» — пустые разговоры. Популярность складывается из интереса, который к тебе проявляется. Если люди на тебя ходят, значит, ты популярен.

— Была ли какая-нибудь прелесть в так называемом «андерграунде», когда «МВ» вынуждена была играть по подвалам и окраинным ДК.

— Нет, прелесть в этом не было, я вас уверяю.

— Но все-таки народная любовь была!

— Была любовь очень узкого круга людей, которые постоянно ходили на наши «сейшны» и слушали наши пленки.

[Окончание на 4-й стр.]

«Сливки» общества»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Это были люди от 15 до 20 лет. Люди старше 20 о нас и слыхом не слыхивали, их это не интересовало. С сегодняшней популярностью ту «подпольную» популярность сравнивать бессмысленно. В личностном отношении. Так что это очень искаженное представление о том времени.

— В начале вашей музыкальной карьеры рок-музыка была едва ли не единственным средством борьбы с социальными «ядами». Теперь в эту вотчину вторглись пресса, ТВ. Ну, а что остается рок-музыке, ведь многие из них ничего больше не умеют делать!

— Это обратная сторона

что-то потерял!

— Не знаю... Честно говоря, у меня на самоанализ времени не остается. Да и не люблю я копаться в самом себе.

— Ну, а друзей ты терял!

— Нет, скорее приобретал.

— У тебя много друзей?

— Много.

— Как ты считаешь, за что мы их ценим?

— Друзей? За верность, за честность, за то, что мы их любим.

— Вас всегда принимают так же здорово, как сегодня в Минске!

— Ну, вообще-то, да. Где-то поинтеллигентнее, где-то «поурловее», но в принципе всегда неплохо.

— Кстати, а сколько человек «проехало» в «МВ» за все вре-

«А ПОТОМ, ЗА СТОЛОМ, — О БЫЛОМ...»

уродливости нашей рок-музыки. Из-за того, что она росла черт знает в каких условиях, под постоянным прессом, она выросла кривоножкой. Теперь вроде... [с язвительной усмешкой]. В любой стране мира рока на ТВ гораздо меньше, нежели у нас. В Америке есть MTV, а остальные 60 каналов рок-музыку не дают вообще. Она интересует не очень большое количество людей.

— Ну, наша-то рок-музыка там вообще никого уже не интересует!..

— Да о чем вы говорите... Наши группы ездят в те же Штаты просто... покатаются с севера на юг, на жизнь посмотреть, но уж никак не себя показать. Бесполезно.

— Андрей, известный критик Артем Троицкий в одной своей статье 15 лет назад обозвал «МВ» «самой слабой в исполнительском отношении» из всех московских рок-групп. Ты не очень на него обиделся?

— Я думаю, что 15 лет назад мы, действительно, были не самой сильной в техническом отношении группой. Были группы и посильнее. Но, безусловно, мы были не самыми слабыми. Мы брали не техникой, а словом, живым русским словом.

— Андрей, ты чувствуешь с годами, что растешь в музыке, в поэзии!

— Ну, в поэзии, пожалуй, да. Наверное, с годами я стал интереснее.

— Ты несколько раз снялся в кино, но эти фильмы стали популярны только благодаря твоему в них участию. Как ты сам относишься к ролям, к экранной жизни?

— Я не должен оценивать то, что я делаю. Это вы должны оценивать, зрители должны...

— А в порядке самокритики!

— Но это же для меня. Глупо что-то создавать, а потом, самому же все раздолье.

— А есть за что долбить!

— [С улыбкой]. До конца я не был доволен ролями, которые сыграл в кино.

— Андрей, ты со временем

ее существования!

— Человек 27, наверное. В основном, в первые годы. За последние лет десять всего два человека сменилось.

— Андрей, что побудило тебя взяться за мемуары. Чувствуешь наступление старости!

— Ну и слово нашли — мемуары. [С усмешкой]. Я не считаю «Все очень просто» мемуарами — это рассказы такие смешные. А зачем написал? А чтобы не давать вообще интервью. Возьмете книжку — и раз и навсегда узнаете, как все это было. Кстати, моя книга очень скоро выйдет отдельным изданием, там же будет подборка стихов, написанных в разные годы...

— Андрей, если бы у тебя изначально не обнаружилось музыкального слуха, чем бы ты занимался?

— А почему вы решили, что он вообще у меня есть... Не знаю, рисовал бы, наверное.

— Что ты больше всего любишь [кроме музыки, конечно]!

— Люблю массу разных вещей: плавать под водой, походить по лесу, посидеть с друзьями, прокатиться на горных лыжах, послушать хорошую музыку, поехать на хорошем автомобиле... Но на все это у меня просто нет времени.

— А хороший автомобиль у тебя есть?

— Есть вроде...

— Что значит — вроде!

— Ну, по нашим меркам он хороший.

— Непосредственно очень личный [для нас, журналистов] вопрос. Мы [журналисты от Минска до Владивостока] тебя очень دوستали!

— Очень. Я не сильно жалую ваших коллег, ибо большинство из них — дилетанты, причем воинствующие дилетанты, что иногда усложняет нам жизнь. Да и вообще... Четыре года назад ваши коллеги из «Чирной змеи» поместили в своей газете мой плакат с... указанием адреса и домашнего телефона. Вы представляете, как я после этого жил...

Фото Игоря МАКАЛОВИЧА.

14 декабря 1991 года.

«И В БУРЯХ ПЕРЕДРЯГ СТАНОВИМСЯ СИЛЬНЕЙ...»

Так почему же Андрей Макаревич не очень дружен с прессой?

«Ругу из синей птицы»

«В заключение хочется сказать еще об одной детали, явственно проявившейся именно в «Машине времени». Прежде всего это инфантильное «под детство» звучание голоса, в любой момент использующее минсовые, фальцетные оттенки.

В сочетании с усами и бородами артистов эта манера пения полностью перечеркивает мужское начало в исполнении и в художественной позиции. Услышав нормальный мужской голос в подобном роде ансамблях стало просто проблемой. Мужчины! Пойте по-мужски!»

Н. КРИВОМАЗОВ,
«Комсомольская правда»,
11 апреля 1982 года.

«Фальшивая душа»
(о фильме А. Стефановича «Душа»)

«Очень не хочется, чтобы из сказанного кто-нибудь сделал вывод, что вот, мол, автору вообще не нравятся никакие ВИА... В спектакле Театра им. Ленинского комсомола тоже играет достаточно громкий ВИА (имеется в виду группа «Аранс» — Прим. С. О.). Но при всех моих претензиях к этому спей-

такану) там его звучание оправдано прекрасным анкетом Н. Караченцовым... — кажется, что громкость ансамбля рождена эмоциональностью игры актера, что иначе просто нельзя. А если вспомнить еще, что и тексты песен там подлинно художественные, чего не скажешь о песнях «Машин времени» в «Душе», то все окончательно встает на свои места. Конечно же, ВИА вполне уместны как один из элементов нашей музыкальной культуры, но именно культуры, а не повышения шумового фона окружающей среды».

Ю. СМЕЛКОВ,
«Комсомольская правда»,
29 августа 1982 г.

«Время колокольчиков»

«...Гораздо больший след в истории оставили те, кто пытался изобрести собственный актуальный репертуар. В создаваемых ими образах переживались все (...) геральдические цветы хиппиства. Прежде всего, это предельная возвышенность, аллегоричность и романтизм. Программы «Машин времени», талантливейшей группы этого поколения, песни на настенный голбейн, замки и корабли с парусами не

В 1976 ГОДУ случилось событие, открывшее новые горизонты в жизни «Машин времени», — нас вдруг пригласили в Таллинн на фестиваль «Таллиннские песни молодежи-76». Организовал это ЦК ЛКСМ Эстонии, и название фестиваля носило отпечаток эдакого комсомольского камуфляжа — это, конечно, был рок-фестиваль, — но слово пока было запрещенное. Не помню, с помощью какого финта мы заполучили бумагу, где говорилось, что нас командироват на фестиваль. Мы ехали туда, как на самый главный праздник в своей жизни. К радости примешивалась робость: мы слышали, что в Эстонии музыкальная жизнь куда свободнее, чем в России, и что там очень сильные группы.

Поразило сразу все: красота и чистота таллиннских улочек, вежливость и серьезность ме-

же. Он со своим «Аквариумом», который тогда представлял собой милый акустический квартет, явился в Таллинн без всяких приглашений и чуть ли не пешком. И им разрешили выступать! По законам московской жизни это было невозможно себе представить...

...Грянул фестиваль. Эстонские группы оказались действительно сильными, но какими-то замороженными, что ли. В их музыке было все, кроме того, что заставляет тебя притопывать ногой в такт, помимо собственной воли. Москву представляли мы, блюзово-рок-н-рольное «Удачное приобретение», Стасик Намин с группой из двух человек (Слизунов и Никольский). Из Ленинграда приехали «Орнамент», тот же «Аквариум», кто-то еще, из Горького — группа «Время». Остальные команды — из При-

балтики. Концерты шли днем и вечером — по три-четыре группы в каждом. Мы выступали вечером первого дня. Не знаю уж, в каком приподнятом состоянии духа мы пребывали, но зал аплодировал минут десять — было ясно, что это победа (к полной нашей неожиданности, кстати: у нас ведь до этого не было возможности сравнить себя с другими командами, кроме московских). Не знаю, что тут работало, — то ли наши песни, сделанные из очень простой музыки, то ли слова, то ли странное сочетание бит-группы со скрипкой, а может, наш «завод», у прибавок отсутствовавший. Наверно, все вместе...

Андрей МАКАРЕВИЧ

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

(Отрывок из книги)

стных комсомольцев, покрытых сильным рок-н-рольным налетом, — очень они были не похожи на привычных, в галстуках и с бегающими глазами. Еще поразило то, что у входа в зал Таллиннского политехнического института, где проходил фестиваль, нет толпы: оказываются, билеты давно проданы, а воспитанная эстонская молодежь не станет без толку ломиться, раз билеты все равно кончились. Это казалось невероятным. У нас-то в Москве все было иначе: самый верный способ создать толпу — это сказать, что билетов уже нет.

Мы приехали в Таллинн поздравить остальных участников, оказалось, что все гостиницы уже заняты, и нас повезли в какое-то студенческое общежитие, оставленное как резерв. Мы по гостиницам еще никогда не жили и никаких претензий не имели: настроение было необыкновенно приподнятое, во всем ощущалось преддверие какого-то счастья — настоящий рок-фестиваль и почти за границей. Ехали мы в эту общагу почему-то троллейбусом, в котором нам представились необыкновенно интеллигентного юношу в овчинном тулупе, явно студенческого вида, с милой спутницей и гитарой в матерчатом мешке. Звали юношу Боря Гребенщиков.

В общагу мы приехали сильно продрогшие и тут же предложили ему согреться нервно-паралитическим — наш звуко-режиссер Саша Катамахин производил это адское пойло путем настаивания чистого медицинского спирта на большом количестве стручкового красного перца, привезенного специально для этой цели из Ташкента. Он всегда возил этот динамит с собой — якобы на случай простуды кого-нибудь из нас. Повод был достойный. Согрелись мы основательно и, кажется, заснули по дороге к койкам, а Боря — по дороге к своему номеру, которого у него, кстати, так и не оказалось. Боря нам очень понравился. Мы ему, по-моему, то-

же. Он со своим «Аквариумом», который тогда представлял собой милый акустический квартет, явился в Таллинн без всяких приглашений и чуть ли не пешком. И им разрешили выступать! По законам московской жизни это было невозможно себе представить...

Уезжали мы из Таллинна, пьяные от счастья и коктейля «Мюнди», увозя с собой бесценную бумагу, подписанную секретарем ЦК ЛКСМ (ну, и что, что Эстония?), где говорилось, что мы не враги народа, а, напротив, художественно и идеологически выдержанные и заняли первое место на советском молодежном фестивале. Эта бумага виделась нам спасательным кругом, на котором еще долго могла продержаться наша безопасность в московских джунглях. Еще мы увозили обещание Борки пригласить нас сыграть в Питер: по его рассказам, там шла подпольная, но совершенно роскошная рок-н-рольная жизнь.

В Питере мы оказались очень скоро. Нас встретили, как героев. Это было приятно. Дружеское хипповое, какое-то немосковское подполье, очаровательный, едва уловимый ленинградский акцент, кофе в «Сайгоне» — все было великолепно! По первому ощущению, питерская тусовка чувствовала себя куда свободнее московской и весьма этим гордилась. К вечеру, уже несколько набравшись, мы большой волосатой толпой двинулись на сцену в ДК Крупской. Он оказался где-то почти на окраине (как мне показало), но — фантастика! — милиции не было! Первой играла команда с названием «Зерка-

342